

9 **Кружозор** 72

Только Коммунистическая партия, выражающая насущные интересы рабочего класса, всех трудящихся, проводящая ленинскую национальную политику, могла сплотить все нации и народности в единое интернациональное братство и направить их усилия на создание нового общества.

Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»

Таймураз ЦАРУКАЕВ

РОДИНА

В цветке расцветшем
Столько ладу, складу,
В погожий день
Так радуется он душу!
Наступит срок —
Осеннею прохладой
Сожмет цветок
И стебелек засушит.
Весной мы любим
Птички небыллицы:
Свирель и флейта,
Толки-кривотолки.
Пришла пора —
И улетаются птицы,
И только песнь их
В памяти надолго.
Всему свой век
Под этим небосклоном,
Всему своя пора
На этом свете,
Но Родина —
вне сроков и сезонов —
Светило,
Что в любую пору светит.

Перевел с осетинского
Лев Озеров

— Работа нетрудная, — улыбаясь, говорила Евгения Мефодьевна, — главное — везде поспеть.

Она взглядывала на меня, по привычке щуря глаза, как делают все, кому приходится всматриваться в даль: моряки, летчики, шоферы да вот еще полеводы, оказывается. С утра до самого обеда мы ходили с Евгенией Мефодьевной Курьшиной по виноградникам второго отделения совхоза-завода «Чумай». 132 гектара — участок ее бригады. Просто обойти — и то нелегко. Земля жгла сквозь подошвы ботинок. Говорили о работе, но больше о жизни.

— У нас еще старые виноградники есть, бывшие господские. Мало их осталось. Идешь мимо, увидишь и даже остановишься. Боже мой, кажется, века прошли. Века! А ведь всего-то немногим более тридцати лет. Девчонкам рассказываешь, слушают и не верят, что могла быть такая жизнь. Евгения Мефодьевна задумалась, и некоторое время мы шли молча.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

— Кажется, немного человеку нужно для счастья. Но всегда чего-нибудь не хватает... Недавно старшего, Толю, в армию проводила; хотел летчиком стать, и повезло — в летную часть попал. Жду писем — нет. Неделя всего прошла, понимаю, рано, а сердце болит. Я однажды в санатории была. Получила от него письмо. Открываю. Несколько строк и... три рубля. «Мама, посылаю тебе, мороженого купишь». Засмеялась, заплакала. Мальчишка в техникуме учился. Первую стипендию получил, девятнадцать рублей...

После полудня солнечный жар нестерпим. Никнет даже крепкий виноградный лист. С двух до четырех обед. С разных концов огромного виноградного поля в это время сходятся женщины. Садятся за длинный бригадный стол в тени акаций. Обед нехитрый: редиска, хлеб, молоко. Потом на дальнем конце стола вдруг возникает песня. Голос тихий, чуть с трещинкой. Положив крупные руки на стол, строго глядя перед собой, поет

старинную дойну пожилая женщина Евдокия Барбиер.

— Эй, девки, чего загрустили? Молоко скиснет! — раздается молодой голос Любаши Новицкой. И она начинает свою любимую — про Иванку. Она любит веселые песни, и чтоб все разом, а она запевала:

— Иванка ты Иванка, рубашка вышивана. После обеда Евгения Мефодьевна встретилась с технологом Феодосием Трофимовичем Кучеренко. Разговор шел о том, когда начинать сбор различных сортов. Начни раньше — виноград не наберет сахара. Опоздай — солнце высушит сочную ягоду.

Два главных человека совхоза-завода — виноградарь и винодел, два Героя Социалистического Труда. Они стоят вдвоем на виноградном поле и, верно, даже не думают, как крепко связаны между собой их судьбы. Оба начинали в батраках, пережили годы оккупации. Тогда Феодосий Трофимович оказался в фашистском концлагере, еле спасся от смерти.

ПОСПЕШАЯ ЗА СОЛНЦЕМ

Бойкая девчонка из молодежного звена и молодой винодел впервые познакомились четверть века назад. Оба оказались настоящими хозяевами на земле. Виноградники стали давать небывалые урожаи, а вина Чумая прославились по всей Европе. С последних международных дегустаций Феодосий Трофимович увозил домой больше медалей, чем все виноделы Франции. В судьбах этих людей — высокий смысл нашей жизни, которая отличается и ставит впереди достойных.

...За этот длинный день Евгения Мефодьевна побывала в обоих звеньях. Приятно убедиться, что несколько дней твоего отсутствия (она была в Кишиневе на пленуме ЦК КП Молдавии) не повлияли на слаженную работу бригады. Проверила работу механизаторов, для чего пришлось сделать длинный конец через все виноградники, а потом ходить за трактором по рыхлым междурядьям: километр туда, километр обратно. Заглянула к соседу Петру Семеновичу Димову — бывшему заместителю, а теперь бригади-

ру второй бригады. Предстояло делать прищипку — один из способов увеличения урожая. Дело это в совхозе новое, и она еще вчера решила посоветоваться с Петром Семеновичем, к тому же ей показалось, что в последние дни бригадир что-то загрустил. Потом приехал управляющий отделением. Между прочим, он передал, что завтра ей быть в Вулканештах — райком собирает бригадиров-виноградарей, и, хотя не ко времени вроде бы снова уезжать, Евгения Мефодьевна вспомнила, что и у нее есть вопросы, которые в бригаде не решишь. После этого как-то сами собой сделались еще несколько больших и малых дел.

Ноги у меня гудели и подкашивались. Я припомнил брошенную мимоходом фразу: «Работа нетрудная, главное — везде поспеть...»

А был еще вечер. Евгения Мефодьевна побывала в школе на родительском комитете, где она председателем. Комитет был ее маленькой тайной гордостью. С некоторых пор дела здесь шли хорошо...

И. ЦИБУЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Лишь после этого день бригадира стал клониться к закату.

Над дальним горизонтом полыхали сухие зарницы. Значит, завтра снова горячее солнце.

Подходя к дому, Евгения Мефодьевна заметила, что свет в комнатах горит.

«Заснул и потушить забыл», — подумала она о младшем сыне. Но Леня не спал. Он выбежал на крыльцо:

— Пляши, мама! От Толика письмо!

...В воскресенье бригада работала. Кому-то вдруг подвезли кирпич, и надо было строить. Кончили к вечеру и сразу расстелили по двору дорожки. Появились дымящиеся горки мамалыги — на любителя, брызга, сладкий фаршированный перец. И тогда хозяйка подняла смуглой рукой стакан домашнего вина, в котором догорали красные угольки заходящего солнца, и сказала громко и серьезно простые слова: «За мир и урожай!»

Поселок Чунай, Молдавская ССР

Фото А. Лидова

*«За каждую ночь
виноградная лоза на пять
сантиметров растет...»*

*На первой
звуковой странице
монолог Героя
Социалистического*

*Труда
Евгении
Мефодьевны
Курьяниной.*

...Даже старенький клуб «Комсомолец», один из записибовских первенцев, оброс строительными лесами, чтобы не выглядеть странно среди новых зданий. И деревья-прутики, которые сажали еще при мне, набрались сил, стали большими. Прежней, пожалуй, оставалась Маякова гора — будто заботливая наседка, укрывает она город от холодных северных ветров.

Я бродила по новым улицам, радовалась домам, аллеям, площадям. И чувствовала: такое же настроение бывает, когда попадаешь вдруг после долгого отсутствия в давно знакомую семью: дети выросли и помнят тебя весьма смутно, только старенькая бабушка относится к тебе все так же, как до расставания...

Маякова гора, словно бабушка, приветливо улыбалась мне огоньками ярко-оранжевых сибирских цветов. Далеко за Томью, как и одиннадцать лет назад, в кружеве металла и в зареве огня открывался знаменитый, воспетый еще Маяковским Новокузнецкий комбинат. А рядом, под самой горой, правее жилого района, новый гигант — Запсиб. Западно-Сибирский металлургический завод. Коксовые батареи, конверторный цех, домны...

А я хорошо помню на этом месте пустырь.

Дома у меня среди самых дорогих реликвий — брезентовые рукавицы. И надпись на память. Мне. Просто фиолетовыми чернилами: «Члену бригады коммунистического труда. Год 1961-й».

...Даже оконные стекла, затянутые последним мартовским морозом, не дрогнули тогда. Просто где-то далеко-далеко ухнуло. Не поймешь, то ли молот по накопальне, то ли невесть откуда прорвавшийся бас чудогрома. Потом раскатило еще и еще. И вовсе не музыкальное ухо Райки Буровой определило точно: «Рвут фундамент под первую записибовскую домну».

Нам, разумеется, и в голову не пришло, что в то серое, промозглое утро 24 марта 1961 года в нашу многонаселенную общежитиевскую комнату через надежно закупоренное комендантшей и морозом окно ворвалась сама история. Ведь, в сущности, если не брать во внимание этот молот, или гром, или даже салют, день был самый обычный. Подъем. Макароны с тушенкой. Напрасная надежда на попутку. Черноснежная от машин дорога. Сизый туман над поселком. Неестественно красное солнце, вызывающее вдруг тоску по астраханским арбузам. И усвоенный накрепко порядок: кирпич-раствор, кирпич-раствор... Мы работали тогда на строительстве ТЭЦ.

Когда спина начинала ныть, когда коченели пальцы даже в самых толстых валенках, Райка Бурова снисходила до передышки и, пританцовывая на месте, напевала про знойную Африку. Без малейшего намека на зависть к ее обитателям.

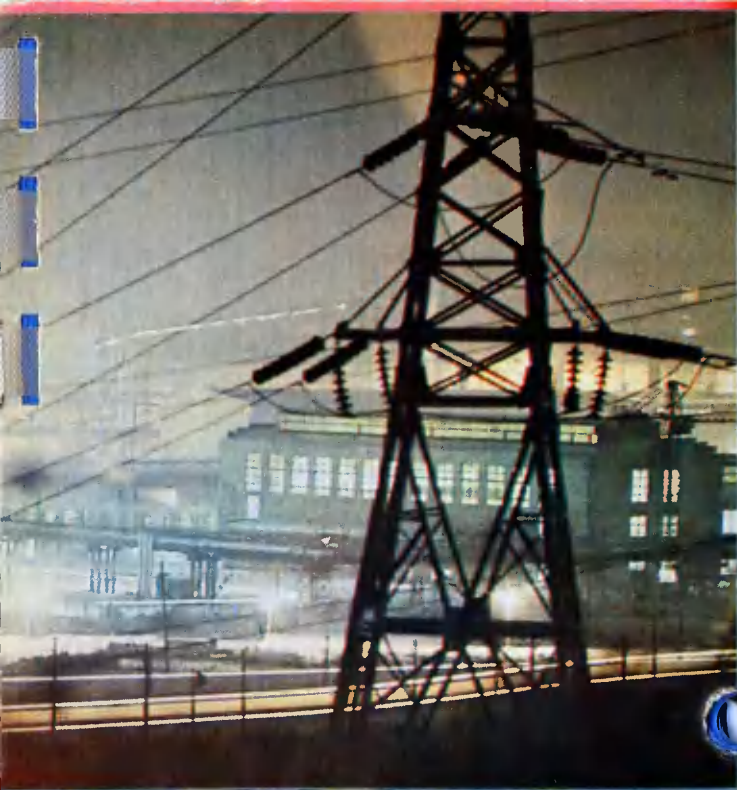
К Райке я испытывала чувство безмерного почтения. И за то, что она, лучшая каменщица стройки, рискнула взять в подручные абсолютную неумеху, никак не подозревая, что пригрела журналистку, приехавшую на Запсиб всего-то месяца на полтора-два. И за эту развеселую «Африку». И за лукавое «потеешь?» в мой адрес, когда холод вышибал из глаз слезу. И за ту особую мерку, с какой она подходила к людям и к жизни вообще.

Н. КИСЕЛЕВА
корреспондент радиостанции «Юность»

ЗАПСИБ: ПУТЕШЕСТВИЕ В ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ

Запсиб 70-х —
это и реки металла
и продолжающаяся стройка.
Фото Г. Копосова

Как-то вечером мы шли по поселку. На небе сверкали далекие, холодные звезды. Та, что была ближе других, казалась двойной.

— Это моя звезда, — уверенно сказала Райка.

Я ответила ей в тон, совершенно серьезно:

— Никто не знает своей звезды.

Райка задумалась и возразила тихо:

— Я знаю. Она двойная. Как моя жизнь. Первая осталась в Салаире, вторая здесь, на стройке.

И я услышала ее историю. Отец и мать — староверы. Тяжко приходилось открывать для себя правду жизни. Нести вопреки родительской воле в сердце не подозрительность к людям — любовь. И были страшны проклятия, угрозы. И мучили, что и говорить, мучили сомнения. Когда вера в добро взяла верх, Райка пошла в райком комсомола и попросила путевку на любую ударную стройку. Так появилась она на Запсибе. Так началась ее новая жизнь.

Однажды Райка случайно порвала платье. Единственное. Расстроиться не успела, а малознакомый парень из бригады протягивает свою гимнастерку: «Носи, у меня еще есть». Натерла лопатой мозоли на руках, бросает раствор и чувствует — не выдержит, разревется. Стыд какой! А тут неожиданно подошел бригадир, погладил по голове, как маленькую, и ни с того ни с сего отправил отдыхать. Правда, открывшаяся ей еще в Салаире, оборачивалась действительностью: люди в массе своей хороши. И с жадностью узнавала Райка все новые и новые черты человеческих характеров.

Как-то она решилась и показала мне свой дневник. Повесть своей новой жизни. Свое открытие мира, человеческой щедрости, самоотверженности, любви. Скажу Райкины строки: «Мне присвоено звание лучшей каменщицы. Как быстро я почувствовала себя человеком! Теперь, наверное, не смогу жить без стройки. Она, если не преследуешь корысти, если просто работаешь честно, дает много».

Год 1961-й... Я стараюсь быть объективной: одиннадцать лет — срок немалый. И все-таки удивляюсь невольно. Вот он, город какой открывается с Маяковой горы!

Заводиче какой! Зарево над домами. Идут чугун, сталь. Всей стране известны достижения металлургов Запсиба по освоению проектных мощностей. Да, здесь нелегко быть просто объективной. Выросли деревья. И попутку теперь ловить не нужно — трамвай до самого завода.

Жаль только, что не встретила я с Раисой Буровой. Дождалась чугуна, сказали мне, и уехала на новую стройку. Возможно, и сведут нас когда-нибудь еще жизненные пути-дороги. Я уверена, Бурова станет человеком известным. В силу честности своей, бескорыстия, умения отдавать себя работе сполна. Во всяком случае, здесь, на Запсибе, я имела возможность убедиться в справедливости providения ею тех возможностей, которые дарит стройка человеку-труженику. И мне хочется познакомить вас на второй звуковой странице с записовскими первостроителями, которые по сей день верны самой первой мечте — своей стройке. Познакомить с их раздумьями о той звезде, которая у каждого — своя.

г. Новокузнецк

Александр ФАДЕЕВ

...Очень обширный материал о деятельности «Молодой гвардии» мне был предоставлен Центральным Комитетом комсомола, которому я в этом отношении очень многим обязан.

Сразу же вслед за освобождением Красной Армией этого района Донбасса от немцев, когда только поступили сведения, что такая организация существовала в Краснодоне, от ЦК комсомола была послана комиссия, которая с необычайной тщательностью записала все то, что могла сообщить о деятельности этой организации оставшиеся в живых молодогвардейцы, родители их, товарищи по школе, учителя, соседи по квартире и просто жители города.

Когда я ознакомился с этим огромным материалом, передо мной встал вопрос, какую работу мне сделать: написать подлинную историю «Молодой гвардии» или написать художественное произведение — роман?

Мне, человеку, который работает главным образом в области художественной литературы, конечно, было ближе по душе написать роман о краснодонцах. Но роман имеет свои законы. Роман требует сюжета, а сама жизнь складывается из ряда постепенно возникающих фактов. Роман требует также известного ограничения числа героев, в романе должны быть ведущие герои различного и внешнего и душевного складов. Одним словом, для того чтобы написать роман «Молодая гвардия», нужно было смело пойти на художественный вымысел. Но так как это было историческое событие, я не имел права изменять имена и фамилии героев. Значит, я в этом своем художественном вымысле был ограничен. Тем не менее я решил вступить на этот путь...

Я выехал на место событий... сам опросил большое число людей. Я побывал в семьях молодогвардейцев, беседовал с их товарищами по школе и учителями и дополнил тот материал, который мне был дан комиссией. В результате получилась

ясная картина борьбы «Молодой гвардии». Кроме того, я ознакомился с материалами допроса предателя Кулешова, служившего при немцах, который помогал немцам в следствии над организацией «Молодая гвардия» и который попал в руки советского правосудия. Чтобы иметь широкую картину партизанской подпольной борьбы... во всей Ворошиловградской области, я встретился с рядом партизан и подпольных работников не только Краснодона, но и других районов...

После этого я постарался представить и решить для себя, на ком из молодогвардейцев я сосредоточу главное внимание. Я решил, что, хотя мой роман по необходимости будет иметь немало действующих лиц, все-таки основное внимание я уделю руководящей пятерке членов штаба, которые заслуженно получили посмертно звание Героев Советского Союза. Вместе с тем материал показал, что эти пять человек были наиболее передовыми, выдающимися людьми в «Молодой гвардии» — Олег Кошевой, Иван Земнухов,

Ада ДИХТЯРЬ,
специальный корреспондент «Кругозора»

Тихо входила в Краснодон ночь 22 июня. В зелени улиц возникали и гасли шаги, голоса. Ветер стих, но еще раскачивались высокие кроны во дворе школы имени Горького. Зажегся свет в школьном вестибюле. По коридору вдоль длинного ряда портретов прошел сторож, и снова стало темно.

Отдыхала после дневного паломничества главная площадь. Застыли поднятые на пьедестал фигуры: Олег, Ваня, Сережа, Уля, Люба.

Вечный огонь. Гранит братской могилы. Имена. Даты рождения. И еще — одна на всех — дата, с которой начинается бесмертие.

...И до сих пор в ватагах детворы Мальчишек этих ищут почему-то... Эти стихи десятиклассницы Люды Загребельной прочтут несколькими днями позже, когда здесь, в комсомольском парке, будет шествовать выпускной бал. Выпу-

скакой школьный бал. Придет сюда и Александр Колесников. Герой труда, член Центрального Комитета КПСС, он обратится к школьникам с напутственным словом от имени своих товарищей-шахтеров и от имени Олега Кошевого, который пятнадцатым зачислен в его комсомольско-молодежную бригаду.

Здесь будут смех и гомон, карусели и духовой оркестр. Здесь будут юноши в безукоризненно модных костюмах. И мама Вани Земнухова скажет мне: «Я все смотрю на ребят, смотрю — не люблю». И замолчит. Поправит нарядный платок на голове. Еще помолчит. И вспомнит, как Ваня принес аттестат. Счастливый пришел, не знал, куда его положить, и побежал к ребятам в комсомольский парк. Она не была у Вани на выпускном вечере. Теперь ее каждый год приглашают Ванины ровесники. Знает Анастасия Ивановна, что после не заснет до рассвета, а не пойти не может...

Музей, он тут же, на площади, у парка, будет открыт в день бала до позднего

вечера. Придут девочки в длинных белых нарядах и остановятся, глядя на старенькое платье, с которого до сих пор не слиняли расплывшиеся бурые пятна... Женя Кийкова после пыток передала это платье матери, попросив взамен чистую одежду...

Экскурсовод Наташа Красноурдская поведет школьников к другому стенду, и они прочтут сочинение Анатолия Попова, написанное тридцать лет назад, может быть, тоже на выпускных экзаменах:

«...Советский народ знает цену свободы, кровью, огромными жертвами завоеванной в 1917 году, и предпочитает умереть стоя, чем жить на коленях. Такова воля моего народа, и такова моя воля, я, когда нужно будет принести себя в жертву Родине, я, не задумываясь, отдам свою жизнь».

И еще несколько строк, написанных той же рукой: «Мама, поздравь меня с днем рождения. Не плачь. Утри слезы...» Деятнадцать Топе Попову исполнилось в день казни...

ТРИДЦАТОЕ ЛЕТО

3

Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова. Кроме того, я решил ввести несколько героев, наиболее близко стоявших к руководству организации. К ним принадлежали такие ребята, как Володя Осьмухин, Валя Борц, Анатолий Попов...

Я постарался не пропустить ни одного из наиболее выдающихся, наиболее заметных дел «Молодой гвардии». Скажем, казнь над предателем-полицейским имела место в действительности, пожар биржи был на самом деле, разгон скота, который немцы перегоняли в Германию, был на самом деле, флаги в годовщину Великой Октябрьской революции молодогвардейцы вывешивали, радиоприемники подпольные у них действительно работали, типографский примитивный станок у них был на самом деле. Эпизод с похищением годоводних подарков из грузовой машины имел место в действительности. Освобождение пленных красноармейцев — это действительный факт.

Но, изображая и показывая сами события, я в интересах сюжета, в интересах того,

чтобы эти события сильнее звучали для читателя, допускал и произвольный вымысел и перегруппировку фактов. Например, в эпизоде освобождения пленных я вложил такие факты, как убийство часового и освобождение из плена Евгения Машкова, которых на самом деле не было. Молодогвардейцы повесили предателя-полицейского, фамилия которого мне неизвестна. В романе это полицейский Игнат Фомина, который является фигурой вымышленной, собирательной. Эти примеры я привел для того, чтобы показать, каким образом я перегруппировал по-своему факты.

У меня есть некоторые чисто вымышленные лица, но... на протяжении всего романа я старался передать правду самого духа борьбы и основные черты характеров молодогвардейцев... Я писал о них с большой любовью, отдал этому роману много крови и сердца...

Из не публиковавшегося ранее выступления по радио (Госархив звукозаписи)

У меня в блокноте — несколько выписок из сочинения выпускницы этого года Светланы Гожедриновой. Строки в тетрадке — как признание в любви: «Мы твои душой и сердцем, страна родная. Кого любить, как не тебя? Ты самая заботливая и добрая, ты самая справедливая мать для всех нас, ты самая удивительная из всех красавиц земли...»

...Тихой-тихой была ночь на 22 июня. Я шла по Садовой, заранее зная и волнуясь, что вот сейчас под густой тенью вишневых деревьев увижу дом, где жил Олег и где часто собирались на конспиративные сходки его друзья-молодогвардейцы. Поравнялась с окнами. Двое ребят, лет по шестнадцать, сидят на невысокой каменной изгороди, разговаривают. Елена Николаевна Кошова, бабушка Вера Васильевна живут на той же самой улице, только несколькими шагами дальше, и они тоже могли пройти сейчас мимо и увидеть тех же самых шестнадцатилетних ребят, тихо беседующих у их дома...

Я не знаю другого города, где прошлое — не прошедшее, не проходящее. Время...

Радий Петрович Юркин встретил только что вернувшегося из армии сына. Мама Георгия Минаевича Арутюнянца ждет в гости внука.

Скоро из Польши приедет подполковник Валерия Борц, и огромный букет лучших в Краснодаре цветов ляжет на гранит у надписи «Тюленин С. Г.».

Идет тридцатое лето. Тридцатое лето от подвига.

Завтра я пойду к Кошевым, Земнуховым, Тюлениным, и матери будут рассказывать о своих сыновьях. Так, как будто только вчера они проводили их. Вы услышите на третьей звуковой странице журнала «Кругозор» эти рассказы и тоже подумаете, какая трудная судьба у краснодонских матерей. Одно утешает их: что это горе и эту гордость вот уже тридцать лет делит с ними весь мир.

г. Краснодар
Фото М. Муразова

7 МАРИЯ БИЕШУ-САН

Любители музыки, собравшиеся в тот вечер в зале нью-йоркского театра «Метрополитен опера», наслаждались прекрасным, редкой наполненности голосом Марии Биешу.

Это было ее первое выступление в США. Партия Недды в «Паяцах» Леонкавалло не очень выигрышна. Естественно, певица волновалась. Как влиться в ансамбль партнеров, поющих на чужом языке, и в то же время остаться самой собой, сохранить собственный рисунок роли? Биешу спела Недду такой, какой представляла и чувствовала, чем-то даже похожей на себя, Марию, выросшую в деревне, среди лугов и рощ, с душой открытой и вольной.

Успех превзошел ожидания — аплодировали зрители, певцы на сцене, оркестранты. А ей, как рассказывала Мария, вдруг так захотелось домой, в молдавскую Волонтировку, захотелось увидеть мать, походить босиком по луговой траве, ощутить дыхание полей...

Отца, бригадира Лукьяна Биешу, нет в живых, но слава о его мощном басы, который гремел на всю деревню, сохранилась. У матери лирико-драматическое сопрано, в нее пошла голосом и дочь. Она не думала, что станет певицей. Да и мать считала пение лишь отдыхом между делом; долго не одобряла потом выбор дочери, пока в Кишиневе не увидела очередь в кассу оперного театра на спектакль с участием Марии...

А в юности Марийка одинаково хорошо управлялась с топором и лопатой в лесхозе, с рычагами трактора и штурвалом комбайна на полях родного колхоза. «Хозяйствуй, дочка, на земле, но уже по-новому, по науке», — напутствовал ее отец. Она стала агролесомелиоратором. Обезжая или обходя участки, без усталости, с радостью пела, подражая птицам, соревнуясь с эхом. «Пела, пожалуй, даже больше, чем сейчас, — рассказывает Мария, — ведь тогда не думала, что нужно беречь голос».

Галант Биешу заметили. На смотре художественной самодеятельности девушке предложили поступить в Кишиневскую консерваторию. И уже через несколько лет Молдавский оперный театр отдал ей одну за другой все главные партии в своих премьерках: Недды в «Паяцах», Татьяны в «Евгении Онегине», Лизы в «Пиковой даме», Тоски в опере Пуччини... Сочный, богатый красками голос, темперамент и выразительность сценического поведения молодой примадонны неизменно покорили зал.

В 1965 году Биешу ездила стажироваться в Италию, но маэстро Баре не стал приобщать ее к своей вокальной школе, сказав: «Я работаю с теми, у кого есть недостатки». А директор знаменитого «Ла Скала» А. Гирингелли обратился к Марии с такими словами: «Поблагодарите вашу маму, что родила она вас с природным итальянским бельканто».

Биешу стала готовить партию Аиды с Энрико Пьяцци, учеником Артуро Тосканини. Она вспоминает эти часы как одни из лучших в своей жизни.

Из Италии ее вызвали в Москву на Третий международный конкурс имени Чайковского. А затем вместо дебюта в «Ла Скала» — участие в 1967 году в уникальном токийском конкурсе одной арии Чио-Чио-сан.

Конкурс этот учрежден в память замечательной японской певицы Миуры Томаки. В третьем туре участницы по традиции должны были выступать в японском кимоно. Биешу выбрала из предложенных нежно-красное с белыми цветами. Оказалось, это кимоно самой Миуры. Быть может, в этом был для нее счастливый знак. На конкурсе Биешу признали «лучшей мадам Баттерфляй» мира...

Это была ее большая личная победа, ибо нелегко выйти победительницей, исполняя партию японки Чио-Чио-сан в Японии, да еще в борьбе с более чем тридцатью певицами из двадцати четырех стран.

Это была большая победа советской вокальной школы: второе место на конкурсе заняла подруга Марии — солистка Киевской оперы Ламара Чкония.

Уже потом, года три спустя, «уважаемую Марию Биешу-сан» снова пригласили на конкурс в Токио, на этот раз в качестве почетной гостьи...

Дарование певицы раскрылось с полной силой. А она по-прежнему придиричива к себе, фанатично трудоспособна. С неустойчивого детства, когда она, собирая сестер и соседских ребятшек, придумывала игры, где все слова пелись, народная артистка СССР М. Л. Биешу может сейчас бесконечное число раз повторять музыкальную фразу, доводя ее до совершенства.

Однажды я пела вместе с Марией в спектакле Большого театра «Пиковая дама». Биешу исполняла партию Лизы, я — графини. Совместных сцен у нас немного, но я слушала ее из-за кулис. Голос ее звучал свежо и чисто. Мне всегда нравилось, как умело она им владет. Биешу — умная вокалистка, поет свободно и красиво — искусство, которое дается далеко не всем.

В ее пении много искренности отзывчивой души. Она отлично исполняет и итальянских композиторов, и русскую классику, и свои народные молдавские песни. Это очень самобытный, богато одаренный, скромный и обаятельный человек, который не только хочет, но и умеет нести людям радость.

Валентина ЛЕВКО,
солистка Большого театра СССР, народная артистка РСФСР

Москва, Токио, Будапешт, Милан, Нью-Йорк...

*И снова родная Волонтировка,
где все так знакомо и дорого сердцу.*

*На седьмой звуковой странице народная артистка СССР
М. Биешу исполняет арии Чио-Чио-сан и Манон
из опер Пуччини, каватину Леоноры из оперы Верди
«Трубадур».*

Фото С. Лидова

Петра ДАРИЕНКО

ТОВАРИЩ ПЕСНЯ

С первых дней войны и до победы
Шла она в строю, не унывая,
С нами разделяя наши беды,
Трудности похода разделяя.

Пусть солдат храбрее всех на свете,
Пусть прошел он все поля и реки,
Если где-то пулю грудью встретил,
Остается под холмом навеки.

Песня... Сколько раз ее пытали,
Вешали и не могли повесить.
Сколько раз враги в нее стреляли...
Но душа бессмертная у песни.

Ей всегда солдаты были рады —
Отступленье шло иль наступленье.
В ней тоска и шутка жили рядом.
Одного не ведала — сомнений.

Шла вперед отчаянно и смело
И, хоть испытала бед немало,
Гнев и нежность сочетать умела,
Одинокой в жизни не бывала.

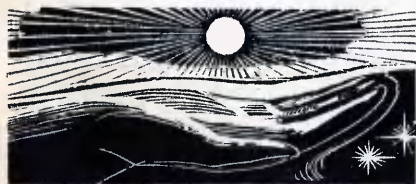
В самый трудный бой вела солдата
И в атаку подымала песня.
От простой землянки в три наката
До бессмертья шла с бойцами вместе.

По Европе, что в огне пылала,
Отдыха не зная днем и ночью,
В звании солдата прошагала
А потом осталась на сверхсрочной.

И, когда проходит на параде,
Ордена звенят. Ведь ей когда-то
Выдавали по одной награде,
По одной от каждого солдата.

Памятник из редкого гранита
Мы воздвигнем ей на видном месте.
Песня грозных лет не позабыта.
До сих пор в строю товарищ песня.

Перевел с молдавского
Петр Градов

Ох, любовь...
Ну кто ж ее
Разгадает?
То она едва бредет,
То взлетает.
То осинкой под грозой
Лишь кроной прижмет,
То надменно звездой
В море канет.
У нее одно лицо —
Милой женщины.
Отчего же так оно
Переменчиво?
На счастливых поглядит —
Позавидует.
Приголубишь — боль обид
Ветром выдует.
В глубине счастливых глаз —
Тень печали,
Все свершенья,
Все концы,
Все начала...

НОВОГОДНЕЕ

Ну и модница!
В шубке колочей,
Вся в серебряной мишуре...
Поглядишь: будто самый лучший
Нынче праздник ее на дворе.
И не жаль ей бывшего приволья,
Вьюжных песен родных чащоб.
Прифасонилась — и довольна.
Или глупенькая еще...
Я присяду с гостями рядом
И налью себе посошок.
Вот и старше мы стали на год.
И еще один год прошел.
Что ж так бойко оркестр играет,
Разудало звучат слова,
Или жизни не видно края,
Когда кружится голова?
— С новым счастьем!
— С новой любовью!

Гравюры Ю. Космынина

Что ж, у каждого — свой удел...
Пью за годы, которые вспомяв,
Всяк бы сердцем помолодел.
Вспомню Днестр, в бетон одетый,
Ярость схваток в окопной мгле,
Что живут во мне острым светом,
Точно штык в боевом чехле.
С ними в строй новогодний встану,
Буду жить, как в новом доме,
Но возьму рюкзачок свой старый,
Чемоданы с тряпьем не возьму.
Знаю корни свои и причалы,
Знаю осень свою и весну.
Не люблю начинать сначала,
Я, пожалуй, с конца начну.
Чтобы ясность была за слогом,
Чтобы с совестью жить в ладу,
А друзей выбирать, как в суровом,
Зимнем том, сталинградском году.

Блеснул звезды текущий свет
И стинул за пределы,
Как будто чей-то жизни след
В ночи осиротелой.
Хотелось бы увидеть мне
Не свет во тьме,
А тьму в огне.
Храню мечту наивных лет,
Как елочный подарок:
Встречать родившихся на свет,
Не провожая старых.
Мгновение, остановись!
Пусть будет век нетленным.
И только жизнь,
Лишь только жизнь —
Во всей моей вселенной!

Перевел с молдавского
А. Буртынский

песней о жизни

Песня может родиться лишь в музыкальном сердце...

Кто не слышал пения птиц? А вот все ли видели, как птицы поют? У каждой свои повадки. Иволга, пока не заберется на ковыль дерева, не издаст сочной, как июньская трава, ноты: она модница и хочет показать свое золотистое «концертное» платье. Грач не поет, а кричит. А кричать он может и в борозде, когда идет за трактором, и с большой старой березы, где его гнездо. Соловей же поет где угодно...

Я к тому вспомнил птиц, чтобы перейти к людям. Не все любят и могут петь. Есть и такие — петь хотят, а слуха нет, и чем больше стараются, тем хуже. Песня требует особого дара, чуткости к слову, к душе человека. К таким творцам я отношу Алексея Экимяна.

Экимян не занимается только сочинительством песен, хотя и стал недавно членом Союза композиторов. Область его работы — юстиция.

Безвестные авторы бессмертной «Калинки», «Во поле березонька стояла», «Во лузях» и многих других народных песен пахали землю, строили дороги, возводили удивительные по красоте храмы и дворцы. Не профессия, не занятия определяли лицо их музыки — лицо их музыки определяют душевное богатство, щедрость чувства, любовь к жизни, к земле, к людям. Вера в то, что песней можно сказать о жизни все, что думаешь, и делала их творческие свершения событием, впечатляла сначала современников, а потом и потомков. Алексей Гургенович Экимян — настоящий народный умулец музыки, музыка в нем живет. Его песня «А любовь все жива» на

На девятой звуковой странице — песни А. Экимяна на стихи В. Бокова и Р. Гамзатова «А любовь все жива» и «Берегите друзей» в исполнении Людмилы Зыкиной и Муслима Магомаева.

Фото В. Пищольникова

мой стихи, когда я услышал ее впервые, неожиданно открыла мне широкий русский простор, даль неоглядную, где подчеркнуто движение человека по орбите своей судьбы. Конечно, создать впечатление помогли композитору и другие талантливые люди. Безупречно исполнила ее Людмила Зыкина, великолепно прозвучало сопровождение оркестра русских народных инструментов. Но если нет музыки, нет глубины, никаким исполнительством не прикроешь серости и безмыслия. В песнях Экимяна я всегда слышу время, в них есть соизмерение личности и эпохи, в них ощущаешь историю общества и историю одного человека, который этому обществу верен и несет его идеалы.

Виктор БОКОВ

ЗНАКОМСТВА

П. ЕРМИШЕВ

АНСАМБЛЬ СОЛИСТОВ

Грузия с давних пор славится традицией многоголосого пения с его прихотливой гармонией.

Как-то я увидел по телевидению эстрадную передачу из Тбилиси. Обратило на себя внимание — это было действительно непривычно — почти полное отсутствие певцов-солистов. Зато вокальных ансамблей — дуэтов, трио, квартетов, октетов — было предостаточно. И как превосходно они звучали: «Гордела», «Орзра», «Иверия», «Диэло»...

«Диэло» — по-грузински восход солнца. Ансамбль существует уже десять лет, объездил с концертами всю страну, побывал за рубежом. В последний день IU Всесоюзного конкурса артистов эстрады, когда остались позади волнения и тревоги, я подошел к руководителю ансамбля Амирану Эбралидзе. «Ну, уж теперь-то вам будет легче — лауреаты...» «Наоборот. Ведь у нас в Грузии есть ансамбли, пожалуй, поинтереснее, чем наш, и нам это хорошо известно. Так что работать придется ой как много».

Я знаю, как музыканты «Диэло» тщательно выбирают новые песни для своего репертуара, как кропотливо работают над ними и лишь после этого выносят на суд зрителей, будь то песня Георгия Цабадзе или же народная грузинская песня XIII века. К народным песням в ансамбле отношение особое. Как-то Амиран, говоря о захлестнувшей всех моде современно аранжировать народные мелодии, заметил, что есть немало песен, которые вообще нельзя обрабатывать, так как нарушается мелодическая и ритмическая структура, теряется первозданная прелесть.

«Диэло» не ограничивает себя рамками национальной музыки. В его репертуаре есть песни многих республик нашей страны и зарубежные. Недавно вместе с ансамблем выступала гастролировавшая в нашей стране популярная югославская певица Доби Чабрич. По ее словам, грузинская музыка оказалась близка ей мелодичностью, сдержанностью эмоций, глубиной чувства.

На десятой звуковой странице нашего журнала вы услышите имеретинскую шуточную песню, «Знакомую мелодию» А. Эбралидзе и «Листопад» А. Джобима. Исполняют Д. Чабрич, А. Эбралидзе и ансамбль.

Андрея Александровича Миронова я называю по имени и отчеству, хотя лет ему немного. Дело не в годах. Для меня существует один критерий: что актер может сделать и что он сделал.

Мы знакомы очень давно, поэтому я знаю, что его родители — Миронова и Менакер — были против того, чтобы сын стал артистом. Он пришел в вахтанговскую школу без их ведома, выдержал все экзамены и успешно поступил.

Мне довелось видеть выпускной спектакль их курса. Я люблю ходить на такие показы, там познаешь, так сказать, «корни» актера, откуда все начинается.

Миронов сразу обратил на себя внимание, было видно, что это актер ищущий, многогранный, обладающий редкими качествами. Он музыкален, пластичен, подвижен. Миниатюра, которую он показывал, называлась «Бравый солдат Швейк». Это была просто филигранная работа.

«Клоп» Маяковского — первый спектакль, на котором мы начинали работать вместе. Миронов вводился в роль Присыпкина. А надо сказать, что это уже был нашумевший спектакль — Владимир Лепко за роль Присыпкина получил в Париже первую премию на фестивале театров... На репетициях Миронов пошел по другим каналам, нежели предыдущие исполнители, наметил иной рисунок, и это было сделано умно и интересно.

Однако премьеру он сыграл скованно. И второй спектакль сыграл скованно. Как правило, это признак того, что артист недоволен собой, и поэтому он «зжат», но будет освобождаться от скованности, работать над ролью дальше. Так оно и получилось.

Роль Присыпкина стала потом у Миронова любимой, он был бессменным ее исполнителем, а мы этот спектакль проиграли почти тысячу раз.

Миронов сейчас занимает в нашем театре место мастера. Конечно, в актерской судьбе свою роль играет и случай: ведь режиссер может «увидеть» артиста, а мо-

КОММЕНТАРИЙ
К РОЛЯМ
Артиста

КАК В РАТНОМ ДЕЛЕ

Андрей Миронов
в спектаклях
«У армян в плену»,
«Безумный день,
или женитьба Фигаро»
и в кинофильмах
«Бриллиантовая рука»,
«Достояние республики».
Фото М. Муразова,
В. Чиглякова,
И. Шайдаева

5

жет и «не увидеть». Но актер во многом сам кузнец своего счастья. Когда режиссер видит, что актер во всеоружии, что он находится в творческом состоянии, а не просто прозябает, естественно, он обращает на него внимание. Андрей Александрович относится к таким актерам, которые сами всегда готовы к работе. Он никогда не позволяет себе быть не в форме, хотя играть такие роли, скажем, как роль Вишневого в спектакле «У времени в плену» или Фигаро, просто физически трудно. Раньше, например, актер, у которого была большая физическая нагрузка, получал

не использовал. Я, например, очень высоко ценю его Фигаро. Он так легко, ажурно, очаровательно ведет эту роль, что невольно вспоминаются пушкинские строки: «Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку или перечти «Женитьбу Фигаро».

Он умеет перевоплощаться, находить квинтэссенцию характера, вариться в нем. Но плюс к этому он всегда еще наполнен огромным актерским темпераментом, целеустремленностью в том характере, который он строит. С ним нельзя играть «наполовину», иначе сам будешь выглядеть как белая ворона.

Лили Иванова

Вот и прошло лето. Вы только вспомните, как мы резвились в нашем «Кабачке», как беспечно куролесили, кружили с полюбившейся нам скоростью в 33 1/2 оборота. Неужто всему этому... Нет! Я даже вымолвить не хочу этого крайне печального слова. Нет, нет! Все только начинается! Мы начинаем колесить по магазинам в поисках модных зонтиков. Мы начинаем заготавливать «сонарин» от неминуемых насморков. Мы начинаем терять загар. Мы начинаем готовить себя психологически к подписыванию дневников наших детей. И, наконец, мы начинаем мечтать о следующем отпуске!.. Сколько впереди начал! Сколько восклицательных знаков!!!

Подбирая артистов для сентябрьского «Кабачка», я ни о чем другом не заботился, как только о том, чтобы они нам пели о самом насущном, о самом созвучном осеннему сезону. Мне кажется, если я вам назову несколько имен — Алла Иошпе, Стахан Рахимов, Нинно Феррер, Лили Иванова, — вы поймете, что задачу я выполнил самым прилежным образом, чем еще раз убедил вас в непреходящем моем уважении к вам.

Зиновий ГЕРДТ

Алла Иошпе
и Стахан
Рахимов
Фото
А. Шибанова

у антрепренера в два раза больше жалованья, чем характерный актер более высокой квалификации.

Недавно узнаю, что Андрей бегает каждый день по десять километров. Я спрашиваю: «Зачем?» Он говорит: «Чтобы дыхания хватало». И действительно, в большом монологе может не хватить дыхания. Миронов не относится к актерам-«шептунам», которых еле слышно. Каждый раз перед спектаклем он приходит в театр на занятия по голосу, разминает голос. Если говорить честно, в театре это явление довольно редкое.

Но самое, по-моему, прекрасное у Андрея Александровича — это то, что он умеет находить для каждой роли новые грани, использовать то, что до этого

Нас 65 человек в труппе. Мы встречаемся с Мироновым в спектаклях, репетируем, «обкатываем» роли. У него всегда множество идей, он отличный импровизатор — в этом вы сможете убедиться сами, послушав звуковую страницу. Работа с ним всегда приносит радость. Когда актер не пытается исполнить только то, что ему было предложено сегодня на репетиции, а вносит еще что-то от своей фантазии, это обогащает и фантазию партнера и, в свою очередь, толкает его на ратные подвиги.

А. ПАПАНОВ, народный артист РСФСР
Пятая звуковая страница. Андрей Миронов: «Как мы снимаемся в кино» и песня Е. Крылатова на слова Ю. Энтина из фильма «Достояние республики».

Федор АБРАМОВ

Утро было росистое, звонкое, и коровы, только что выпущенные из двора, трубили на всю деревню.

Лиза любила проводы скота. Ну-ка, семьдесят коров забывают в одну глотку — где еще услышишь такую музыку? А потом — чего скрывать? — была и гордость: выделялись ее коровки. Чистенькие, ухоженные, бок лоснится да переливается — хоть вместо зеркала смотришься.

— Ну уж, ну уж, Лизка, — качали головой бабы, — не иначе как ты какой-то коровий секрет знаешь.

Знает, знает она коровий секрет, и не один. Утром встать ни свет ни заря, да первой прибежать на скотный двор, да наносить воды вдоволь, чтобы было чем и напоить коровушек и вымыть, да днем раза три съездить за подкормкой на луг, а не дрыхнуть дома, как некоторые, да помыть, поскоблить стойла, чтоб они, коровушки-то, как в родной дом с поскотины возвращались... Вот сколько у нее всяких секретов!

по дому соскучились

Но в то утро, когда только что выпустили коров из двора, прибежала к ней младшая сестренка Татьяна.

— Иди скорейча... Михаил велел.

— Зачем? Очумели вы — в такую рань?

— Иди, говорят. Те прибежали.

— Кто — те? Ребята? — ахнула Лиза.

Братьев Петьку и Гришку нынешней весной с великим трудом удалось запихать в ремесленное училище. Михаил только из-за них в городе больше недели жил. Сперва придрались к годам — семи месяцев не хватает до шестнадцати, а потом в здоровье уперлось. Не подходят: больно тощие...

И вот, рассказывал Михаил, пообивал он пороги. Туда, сюда, к одному начальнику, к другому, к третьему; в городе — не у себя в районе: нет и нет. Рабочий класс — надо, чтобы была сила... Спас Пряслины Подрезов, секретарь райкома. Сам окликнул на улице, когда Михаил с ребятами уже на пристань шел. Просто как с неба упал. «Пряслин, ты чего здесь околачиваешься?» И вот, говорил

Михаил никогда в жизни не плакал от радости, а тут заплакал. Прямо в городе, среди бела дня...

Голос Михаила она слышала еще с крыльца. Шумно, на выкрике, брат пушил двойнят. И еще из избы доносился лай Тузика. Неужели и он, бестолковый, на ребят навалился? Лиза быстро смахнула с глаз слезинку, быстро поправила на голове платок, взялась за железное кольцо в воротах. Так оно и есть: Михаил летает по избе, как бык разъяренный, и собачонка неотступно за ним. Хозяин кричать на ребят — и она на них лаять. А те, несчастные, ни живы ни мертвы. Сидят на прилавке у печи, возле рукомойника, как будто они не дома — глаз не смеют поднять от пола. И хоть бы кто-нибудь за них, за бедняг, заступился! Матерь, правда, та не в счет — та век старшему сыну слова поперек не скажет. Да Татьяна-то что в рот воды набрала? Сидит, в окошечко поглядывает, будто так и надо. Да и Федька на худой конец мог бы

Из романа
«Костры
осенние»

что-нибудь промычать, а не брюхо гладить: немало его братья выручали.

Лиза сказала:

— Давайте дак, ладно. Что поделаешь, раз у них счастья нету...

— Счастья? — Михаил выпрямился — полатница над головой подскочила. — Какое им еще счастье-то надо? Худо им было на всем готовеньком? Вишь, домой захотели. По дому соскучились...

— Да вы сами? Вас не выгнали? — Кровь отхлынула от лица Лизы. Жалости к младшим братьям как не бывало. — Да вы что, еретики, с ума походили?

Михаил снял с вешалки свой рабочий ремень с ножом на цепочке, опоясался. — Возьмешь к себе. Чтобы духу ихнего здесь не было. Да сегодня же отправь обратно. И не вздумай денег давать. Раз домой дорогу нашли, найдут и из дому.

— Может, хоть денек-то им можно пожить дома? — подала, наконец, свой голос мать. И то невольно: разве об этом теперь надо думать?

Дверь хлопнула. Михаил ушел на работу, даже не попрощавшись с ребятами. Те заплакали.

— Ну еще! — прикрикнула на них Лиза и даже ногой приptonула. — Сами виноваты да еще и плачете... Одевайтесь! Чтобы не мозолить людям глаза (никогда нелихих осторожность), она повела братьев подгорьем.

— Ну, вот, — заговорила, когда спустились косиком к озеру. — Смотрите, раз по дому соскучились. А чего скучать-то? Все тут — и поля и огороды никуда не убежали. Нет, я бы на вашем месте не скучала. Вон ведь как вас одели да обули. Пальто, башмаки, фуражки со светлым козырьком... Да вы как буржуи. Кто у нас, в Пекашине, так ходит? И кормили, наверно, — не помирили с голоду?

— Нет.

— Граммов-то пятьсот всяко, думаю, давали.

— Восемьсот...

— Чего? — Лиза остановилась пораженная. — Восемьсот граммов хлеба на день? Вам? На каждого? Ну вот, Михаил-то и выходит из себя. Устраивал-устроивал вас, сколько времени потратил, а вы на-ко что надумали — домой. Да где у вас голова-то? Ведь уж надо терпеть — попервости человеку навсегда на новом месте мутно, а потом привыкает. Я бы еще не удивилась, кабы Федька деру дал, а то вы...

Лиза подняла с земли хворостинку, погрозила Тузику — тот с самого начала, едва они вышли из дому, провожал их лаем, а теперь надрылся где-то на угоре, возле амбара, — так там и перекатывался черно-белый клок шерсти.

— Вон ведь вы что натворили! — принялась опять совестить братьев Лиза. — Тузко и тот дивится...

— А он и вчера на нас лалял... Мы это подходим вечер с задворья к дому, а он нас не пускает...

Петька и Гришка вдруг горько разрыдались.

— На вот! Нашли из-за кого убиваться. Маленькие! Тузко их не пускает...

— А мы его еще и не видели... Нам Таня написала: у нас собачонка хорошенькая есть...

— Да вы, может, из-за этой собачки хорошенькой и домой-то прибежали?

Ребята еще пуше разрыдались. И Лиза больше уж не распекала и не стыдила их. Она вдруг поняла, что они ведь еще дети...

— Татя, смотри-ко, каких гостей веду. Узнаешь ли? — сказала она свекру.

— О-о! — удивился Степан Андрианович. — Петр да Григорий. Сватушки...

— Домой вот прибежали, — сказала Лиза, прикрывая дверь за братьями. — А знаешь, зачем прибежали? — Она рассмеялась. — Собаку посмотреть. А Тузко, глупый, и к дому их не подпустил, лай на весь аулок поднял...

Двойнята пробыли у сестры почти целый день, и Лиза все сделала, чтобы скрасить им неласковый прием дома. Первым делом она накопала молодой розовой картошки, целый чугун наварила — ешьте досыта, ребята! Почему вы такие-то худющие, ведь война уже шесть лет как кончилась? Потом вымыла их в бане — что и за дом, когда в бане не побывал? Потом — не поленилась — сбегала к своим за Тузиком. Принесла в кузове, за спи-

ной, на пол вывалила — вот вам тот, по кому скучали!..

В общем, не худо двойнята погостили у сестры, а уж с Тузиком-то напознались да наигрались, сколько хотели. Единственно, с чем плохо в этот день было, — с попутной машиной. В конце концов Лиза решила до Нижней Синельги подбросить братьев на лошади — благо ей за подкормкой ехать надо, а там, может, попадется какая машина, а ежели нет, то до Сыломы, большой деревни, где теперь стоит пароход, добегут сами: недалеко — одиннадцать-двенадцать верст. Свекор стал было уговаривать ее оставить ребят до утра — ничего, мол, не случится, ежели и позже на один день прибудут в свое училище, но она и слышать об этом не хотела. Что она скажет в ответ Михаилу, как поглядит ему в глаза, ежели тот узнает о ее самоуправстве? Не посчиталась она со старшим братом только в одном — насчет денег. Дала по двадцатке каждому на дорогу, потому что на попутке проедут и бес-

платно, а на пароходе как? Хватит, на-терпелись они страху, когда сюда ехали с пятеркой в кармане на двоих.

Ехали неторопко, Мазурок был в оглоблях — самая распоследняя коняга в колхозе. У болота, в сосняке, кричали и улюлюкали ребятишки — не иначе как за молодой белкой гонялись. И, видно, очень уж горько от этого стало двойнятам — затаились позади сестры на телеге и ни слова.

Лиза попыталась развеселить их, вызвать на разговор об ученье, об их будущей жизни — раньше двойнята любили такие разговоры.

— Смотри-ко, ребята, как вам повезло, — начала она. Ребята не откликнулись.

Наконец добрались до Синельги. Лиза торопливо, не глядя в глаза, обняла братьев — одного, другого, подтолкнула сзади.

— Бегите.

И не выдержала — расплакалась, когда двойнята, перебежав мост, вдруг оглянулись и замахали ей руками.

С запада надвигалась туча, темная, лохматая, откуда только и взялась — всю дорогу было светло. Осинки у моста залопотали, задрожали на ветру, серая россыпь прошлогодних листьев полетела по песочной дороге... Да что же это такое? Кто же глядя на ночь отсылает ребят в дорогу?

— Стойте, окайнные! Куда это полетели? Двойнята нерешительно вернулись к сестре.

— Из училища не выгонят, ежели ночь переночуете у меня?

— Не...

— Не! Как не? Кто вас, летунов, держать будет? Кому вы такие нужны?

— Не, мы ведь не сами... Нам на неделю разрешено...

— Вы опять за свое! — Лиза уже слышала это от ребят. Рассказывали ей эту сказку еще днем: будто не самовольно убежали, а воспитатель отпустил...

— Ладно, возьму грех на душу. Бегите ко мне обратно. Да о реку, а не дорогой. И дома у меня, как мыши, замрите, чтобы никто не видел. А то Михаил узнает — голову с меня снимет...

Полностью роман будет опубликован в журнале «Новый мир»

Каждый хоть раз да слышал соловья. Но вряд ли кому приходило в голову, что на белом свете, кроме голосистой серенькой птички, есть и другие соловьи. Синий, скажем, соловей. Белогорлый. Красношейка. Черногрудый. Свистун. Варакушка...

И все же — сколько песен, сколько стихотворных строк посвящено самой незрочной птичке из соловьиного семейства — восточному соловью! Честь ему такая, конечно же, за искусное пение. Не одно поколение людей заворожено его песней — сочной, торжественной, украшенной разнообразными коленами.

У хороших соловьев насчитывают до полутора десятка колен. Тургенев в своем знаменитом очерке называет десять. Вот какие: пукание, клыкание, дробь, раскат, плекание, лешева дудка, кукушкин перелет, гусачок, юлиная стукотня, почин. Самые редкие — лешева дудка и кукушкин перелет. Иному охотнику за всю жизнь доведется не более двух раз услышать их. Лешева дудка звучит протяж-

но, зычно: го-го-го-го, а затем отрывистое — ти! Кукушкин перелет — звонкий, сильный посвист...

Хороший певец не спешит: каждое колено выделяет отчетливо. Закончил одно, помолчал секунду-другую, принимается за следующее. И так, в строгой последовательности — десять, двенадцать частей. Затем повторяет песню. Начинает соловей нежным посвистом, задумчиво, почти как малиновка, потом меняет темп и заканчивает энергично, звучно... Соловьиная песня, увы, не наследственная. Отделите соловьенка от старых и послушайте следующей весной. Настоящей песне он не научился: скрип да треск. Дарование свое молодой может развить, только послушав опытных певцов. Раньше любители соловьев знали об этом. И нередко в трактире, где пел приобретенный купцом за баснословные деньги хороший соловей, какой-нибудь дошлый птичник приносил под шапкой соловья-приготовишку. Так, украдкой, соловьишко проходил «консерваторский курс»...

Мастера необычайного старания умеют отобрать звуки самые яркие. Выстроить их в удивительный ряд, где паузу нужно сделать, а где оттолчку: тук! Они обогащают свой «репертуар», общаясь с более опытными и талантливыми предшественниками. Так из поколения в поколение. А дальше уж дело каждого — отточить колена, отработать их сообразно своей индивидуальности, выделить особо удачные, любимые, что ли.

В каждой местности — свои напевы. Там, где больше старых соловьев, песня всегда мягче, богаче по складу. Знатки могут сказать по самой песне — откуда соловей. В силу он входит на третье, четвертое лето. Но самые талантливые распеваются и на второе. Проследить за тем, как певец год от года украшает песню, совершенствует ее, не сложно: старые соловьи каждой весной возвращаются к своему кусту...

В тихие июньские ночи заросли крушины, жимолости, сырые мелколесья, балки, заросшие черемухой лога — полны соловьи-

„ТЫ ВОСПОЙ, ВОСПОЙ В САДУ, СОЛОВЕЙКА...”

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»
Фото Л. Лазарева

4

«Золотой соловей» — главный приз Бристольского международного конкурса записей голосов диких животных и птиц. Кто из читателей «Кругозора» дерзнет завоевать этот приз.

ных песен. Любят соловьи и старые, заброшенные парки, где много опавшей листвы, кустарники у тихих прудов, болота. У болотных — слава особая. В обычных садах соловья услышишь редко. Но в заголовке — строке из старинной казачьей песни — ошибки нет. Донские левады выходят задами к реке. В прибрежном кустарнике и селились соловьи.

Лишь стусятся сумерки и стихнут дневные птицы, вступают в права соловьи. После полуночи они умолкают ненадолго или делают длинные паузы. На рассвете снова слышны их мелодичные трели. Соловья можно услышать за километр. Поет он так самозабвенно и лихо, что при известной осторожности можно подобраться к певцу близко и включить магнитофон. Но отыскать соловья с особым тщанием в песне весьма трудно. Изведешь не одну ночь, а порой и жизни не хватит, чтоб найти птицу с «золотым горлом»... А теперь пора послушать соловьев. Они поют на четвертой звуковой странице. Старый Петергоф — станция Вешенской

Они бродили по дорогам Молдавии. Проходили зимними тропами через горы и леса, появляясь то там, то здесь. Их называли лэутарами (от слова лэута — скрипка). Сохранилось много преданий, где героями были бродячие музыканты. К XV веку относятся документы о лэутарах, в которых они официально лишались гражданских прав. Их даже хоронить разрешалось только вне кладбищенской ограды.

Они никогда не держали в руках ни рукояти плуга, ни винтовки. Они умели только играть. Лэутаров ждали в каждом селении — на свадьбы, крестины, праздники. Каждый лэутар рождался вместе с рождением своей музыки, а когда умирал, она переходила к другим. Среди лэутаров были крупные и известные музыканты. Их приглашали в Санкт-Петербург, Вену, Будапешт...

Музыка лэутаров без конца обогащалась. Она отличалась полифоничностью, сочетая игру скрипок с большим количеством ударных. Вот колокольчики. Их подвешивали к полям шляп, привязывали к башмакам. Иногда костюм музыканта, играющего на скрип-

Уже давно ушли в прошлое кочевавшие по селам и деревням Молдавии повозки бродячих музыкантов, но ритмы лэутаров и сегодня живы в зажигательных танцах на встрече праздника урожая...
Фото И. Гневашева, Л. Роскина

ЛЭУТАРЫ

ке, украшало штук восемьдесят таких колокольчиков. И каждый колокольчик имел свое собственное неповторимое звучание. Так создавалась палитра страстных, нежных и резких звуков.

И по сей день в Молдавии звучат старинные мелодии народных музыкантов.

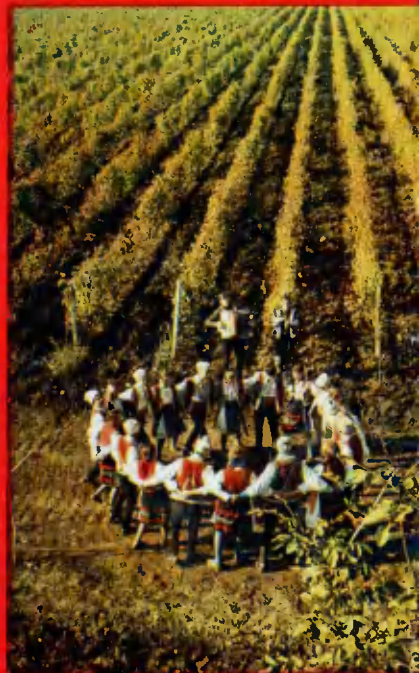
Недавно молдавский писатель и кинорежиссер Э. Лотяну снял фильм о лэутарах и их музыке.

На международном кинофестивале в Сан-Себастьяне картина получила второй по значению приз — «Серебряную раковину».

— В тему о лэутарах я встал с момента моего рождения, — говорит Лотяну. — Ведь узнавать музыку человек начинает с колыбельных песен, и потом она сопровождает его всю жизнь. Вот почему не снят этот фильм я не мог.

Л. БУРОВА, М. НАТАЛИЧ

Режиссер фильма «Лэутары» Э. Лотяну рассказывает на восьмой звуковой странице о жизни бродячих молдавских музыкантов и об их напевах, преодолевших столетия.

9 (102) сентябрь 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Как растет лоза. Рассказывает Герой Социалистического Труда Е. М. Курышина.
2. Звезда у каждого своя. Репортаж о строителях Запсиба.
3. «Это было в Краснодаре...» Вспоминают матери молодогвардейцев Е. Н. Кошвая, А. И. Земнухова, А. В. Тюленина, М. А. Борц.
4. Трели соловьев. Записи, сделанные в Луге, Старом Петергофе, селе Елизаветино и станице Вешенской, комментирует профессор ЛГУ А. С. Мальчевский.
5. Андрей Миронов о кино и в кино.
6. Иозеф Мысливечек: «Медонт, царь Эпирский». Из партитуры оперы, найденной Маризттой Шагинян.
7. Мария Биешу: арии из опер Дж. Пуччини и Дж. Верди.
8. История о лугутарах, бродячих музыкантах.
9. Песни Алексея Экимяна исполняют Людмила Зыкина и Муслим Магомаев.
10. Ансамбль «Дизло»: «Имеретинская шуточная», «Знакомая мелодия», «Листопад».
11. Кабачок 33 1/2 оборота. Алла Йоппе, Стахан Рахимов («Жди меня»), Нинно Феррер («Домик у фонтана»), Лили Иванова («Любовь исчезла?»).
12. Барбара Стрейзанд. Песни из кинофильма «Смешная девчонка».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:

А. Тимофеев
«Чукотка».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326. Москва,
Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
29. VII 1972 г.
Б 05894. Подп. к печ.
11.VIII. 1972 г. Формат
бумаги 60x84 1/2.
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3326. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. ГСП. Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Классик XVIII века, великий чешский музыкант Иозеф Мысливечек вовсе не открыт только что. Он двести лет лежал открытым перед человечеством. Но, правда, с точки зрения истории музыки.

Не было ни одной большой энциклопедии, ни одного известного музыкального словаря, где не упоминалось бы его имя. О нем говорилось как о блестящем, одном из самых ярких, самых популярных оперных композиторов Италии второй половины XVIII века. Его называли «божественным чехом». Рассказывали, что итальянские города спорили за право поставить новую его оперу у себя в театре. Его засыпали заказами. А когда опускался занавес после его опер, автора буквально осыпали цветами и — это уже своеобразный итальянский обычай того времени — восторженными советами в его честь, написанными на разноцветных бумажках. Особенно часто это делалось в Венеции, где композитор был чрезвычайно популярен. Крупнейшие писатели прошлых веков всегда отзывались в своих книгах о музыке Мысливечка с озорным уважением и восхищением. Назову хотя бы Шеринга, автора знаменитой монографии об ораториях. Назову Степдаля, который потратил очень много времени на исследование музыки XVIII века.

В самой Чехословакии, на родине Мысливечка, в наше время уже появилась великолепная книга Ярослава Челеты, многоодержательных статей доктора Рапека из Брно. И, наконец, у нас в Союзе в «Истории чешской музыки» Игоря Бэллы Мысливечку посвящена целая глава. И сказать, что он только что открыт, сейчас совершенно неверно. Это против истины. Однако тут появляется бльзущее «но». Странное «но». Хотя там Мысливечек был открыт для историков музыки, но музыка его, его творческий голос, его музыкальное наследство двести лет были закрыты для человечества. Голос его не звучал. Почему? Какая этому причина? В чем загадка того, что в Европе и в Америке никогда за эти двести лет, я говорю никогда в меру моего знания, произведений композитора не исполняли? И даже на его родине, когда я 15 лет назад начала свою книгу о Мысливечке и работала в Чехословакии, я не могла услышать его музыки. Она исполнялась невероятно редко, причем главным образом на вечерах старинной музыки. И это носило отнюдь историко-учебный. Или же я слушала Мысливечка с тяжелых, ломких пластинок эпохи буржуазной чешской республики. (Конечно, сейчас в Чехословакии его исполняют и есть там великолепные пластинки.)

Чем же объяснить невнимание к одному из самых ярких дарований XVIII века? Я вам приведу один рассказ, который, как говорится в старинных книгах, прольет свет на это загадочное обстоятельство.

80 лет назад в Вене была устроена международная театральном-музыкальная выставка, на которой, кроме театральных предметов и экспонатов, были музыкальные партитуры — опер, кантат и других произведений. На эту выставку пришел молодой немецкий студент Виктор Йосе. Он собирался вести научную работу по старинным манускриптам и вдруг увидел на витрине манускрипт какого-то произведения Мысливечка и его записную книжку. Он был потрясен этой неожиданностью, такой для него важной, потому что манускрипты композитора были очень

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЧЕХ

Из стенограммы вступительного слова перед концертом
Камерного оркестра Ленинградской филармонии.

На шестой звуковой странице
вы услышите музыку Иозефа Мысливечка.
Две части из увертюры к опере
«Медонт, царь Эпирский»

исполняет Камерный оркестр Ленинградской филармонии.

трудно находимы. Они находились в разбросанных повсюду итальянских архивах.

Он пришел на следующий день со стопкой бумаги и с карандашами, для того чтобы переписать для себя эти драгоценные материалы. И вдруг увидел, что на витрине уже нет ни произведения Мысливечка, ни его записной книжки. Он ринулся в контору выставки, стал спрашивать, где же эти экспонаты. И ему ответили: члены комиссии велели немедленно убрать их из боязни заразы. Сто одиннадцать лет прошло со дня смерти Мысливечка, всякая вирулентность за это время любой болезни давным-давно должна была исчезнуть. А образованные члены венской комиссии все же испугались дотронуться до манускрипта.

Дело в том, что за три года до своей смерти композитор заболел. Тогда ставили диагноз очень поверхностно. У Мысливечка были язвы от падения с повозки на камни. Эти язвы превратились в гнилостные. Невежественные врачи изуродовали операцией лицо Мысливечка, нанесли ему огромную душевную травму. И вот этот блестящий, красивый, полный обаяния, самый популярный композитор в Италии внезапно потерял все. Потерял свою ослепительную славу, потерял свою веселую, шумную жизнь в окружении коллег. Его стали сторониться, как зачумленного, он последний год жизни провел в страшном одиночестве. В уединении. Почти в полной нищете. И даже соседи не знали, что он умер. Один жестокий автор некрологов писал, что он умер, как собака на соломе. Трагическая судьба этого гениального композитора захватила меня. Я чувствовала какую-то без вины виноватость во всем, что я о нем читала.

Его облик. Мне удалось найти его портрет, который никто не знал. Всюду печатали старую немецкую гравюру, которая изображала его широколицым, с тупыми черными глазами, с каким-то диким выражением. И эта гравюра всюду была, в том числе и в чешских книгах, у Челеды, в музеях и так далее.

Но в архиве Парижской консерватории мне совершенно чудом среди массы документов, брошенных в фонд и считавшихся ненужными, удалось вдруг открыть старую акварель XVIII века, так называемый медальонный акварельный портрет, который абсолютно воспроизводил гравюру, но был... оригиналом. Можно было видеть, что именно проделал гравер с этим пленительным лицом, узким, длинным лицом, со светлыми глазами, а не черными, хотя все как будто было одно и то же. И уже в моей книге, во втором ее издании, мне удалось опубликовать настоящего Мысливечка.

Когда я писала свою книгу, я стремилась очистить его облик от фальшивой, навязанной ему репутации. От клеветы, от пыли двух столетий, но главное, что меня влекло, — это надежда возбудить в музыкантах интерес к его музыке, возбудить настолько, чтобы наши советские музыканты открыли наконец для нас, для советских людей, дивную музыку Мысливечка, которая лучше всякой книги, лучше всякой биографии скажет, какая была у него душа...

Мариэтта ШАГИНЯН,
лауреат Ленинской премии

БАРБАРА СТРЕЙЗАНД

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

«Смешная девчонка» Барбара Джоан Стрейзанд родилась в апреле 1942 года в Бруклине, одном из пяти округов Нью-Йорка. Очень рано потеряв отца, она росла в условиях, которые даже по бруклинским понятиям следует назвать убогими. «Времена были тяжелые, серый волк голода был у дверей, и большую часть детства я просто стерла с доски моей памяти», — вспоминала она позже, много позже, когда Барбары уже не существовало, потому что обладательница этого имени решительно выбросила из него одно «а», надеясь на благосклонность капризной славы и скорую встречу с ней.

Сцена манила Барбру с непреодолимой силой, и она не преувеличивает, когда говорит: «Я не заработала ни одного доллара, который не имел бы отношения к сцене». Уйдя в четырнадцать лет из дома, она начала свою «сценическую карьеру» билетершей в одном из бродвейских театров, а подрабатывала еще тем, что подметала полы в другом театре. Ночевала в конторах театральных агентов, которым было жаль девушку, таскавшую с места на место раскладушку и копившую деньги — цент к центру — на уроки актерского мастерства.

Одержимость и фантастическая работоспособность дали свои первые плоды в 1961 году, когда блестящий талант Барбры одержал победу в любительском конкурсе артистов. Она получила приглашение выступить в одном из лучших кабаре Гринич-Вилладжа. Там Барбра пела забавную детскую песню «Нам не страшен серый волк». Как писали критики, в ее исполнении «сказочные персонажи ожили, стали реальными, и порой мерещилось, что вся сцена превращается в огромную пасть кровожадного зверя».

Три с половиной года спустя Стрейзанд дебютировала в главной роли мюзикла «Смешная девчонка», известного теперь и советским зрителям, так что не стоит говорить о драматическом мастерстве актрисы, ее щедром вокальном даровании. Стрейзанд знаменита. Но певица всегда помнит, что серый волк все-таки страшен. Ведь она смотрела ему в глаза.

В. ПОЗНЕР